

ническое свойство его мышления. Сам тип его мышления исключает всякую законченность и нормативность, исключает все, что может как-то ограничить его критицизм».²³

Человек дела, профессионал, к тому же «нигилист» («...И если он называется нигилистом, то надо читать: революционером» — П 4, 380), он самим своим вполне определенным, отнюдь *не лишним*, а исторически востребованным общественным статусом как будто подвигнут к идеологической однозначности и самоуверенности, однако все попытки идентифицировать его идеи с цельными мировоззренческими системами шестидесятников неизменно терпят крах. «В итоге, — пишет В. Маркович, — вырисовывается образ героя „общедемократического“, воплотивший, скорее, единую сущность наиболее радикальных устремлений, порождаемых предреформенной ситуацией, чем какой-либо определенный вариант проявления этих устремлений».²⁴ Но с «единой сущностью наиболее радикальных устремлений» тоже дело обстоит весьма непросто. Убеждение исследователей в том, что реплики Базарова можно развернуть в систему взглядов, и многочисленные попытки осуществить эту акцию неизменно спотыкаются о совокупную, т. е. состоящую из всех его высказываний, позицию героя, которую никак не получается выпрямить в единую линию, в непротиворечивую идеологическую цепочку, как не получается однозначно отождествить ее со взглядами реальных революционных демократов. Политический радикализм Базарова, состоящий в уверенности, что нет ни одного «постановления в современном нашем быту, в семейном или общественном, которое бы не вызывало полного и беспощадного отрицания» (8, 247), из чего и вытекает декларируемая им необходимость «место расчистить» (8, 243), сочетается с неожиданным для политика пониманием бессмысленности социально-устроительных акций с точки зрения конкретного брэнного человеческого существа. В ответ на слова Аркадия о том, что Россия тогда достигнет совершенства, когда у каждого мужика будет такая замечательная изба, как у старосты Филиппа, и «всякий из нас должен этому способствовать», Базаров вдруг обрушивает всю оптимистичную революционно-демократическую мировоззренческую парадигму срывом в эгоистический пессимизм: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (8, 325).

Принято объяснять такого рода высказывания Базарова безответной любовью, которая якобы «раскалывает душу героя на две половины»²⁵ и лишает его первоначальной цельности. Однако в Базарове, в его поведении и словах, изначально нет однозначности, монолитности, однонаправленности. Он «расколот» уже в своих первых психологических проявлениях, в контекстуальных полемических декларациях во время споров с Павлом Петровичем, в своей начальной реакции при встрече с Одинцовой, когда за показной грубостью, за коробящим Аркадия цинизмом прячет силу произведенного впечатления, смущение и желание видеть эту чуждую ему женщину и говорить с ней. Базаров не похож ни на Раскольникова с его маниакальностью, ни на своего предшественника Инсарова. В нем нет инсаровской цельности, воспетой Н. Добролюбовым: «Любовь к свободе родины у Инсарова не

²³ Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. С. 97.

²⁴ Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30—50-е годы). Л., 1982. С. 200.

²⁵ Лебедев Ю. В. Литература. М., 1992. С. 118.